

Глава 40: По-настоящему ненавижу болезнь проклятья. Не получив никакого лечения своей ушибленной головы (не то, чтобы я обижался), Дворецкий-сан повёл нас, словно тащил за собой, в комнату, где нас ждал Рембрандт-ши. По пути я почувствовал запах невероятно сладкого аромата. Пройдя коридор, мы оказались в той же приёмной, где были ранее. — Что это? — удивился я. — Невероятно странный запах, похожий на косметические изделия и магазины, занимающиеся подобным. Там был человек с кровавыми пятнами, его левую руку лечили. Я и прилежный молодой парень ахнули и услышали голос. — Его атаковало мамоно? — спросил он. — Это похоже на раны, сделанные клыками или когтями. Кажется, это что-то небольшое. Что это было? Ещё большая загадка состоит в том, как он сумел пройти в резиденцию, которую охраняет стража снаружи. Судя по тому, что окровавленного мужчину лечат, проблема, должно быть, решена. — О, Райдо-доно. И Хазару-доно. Лекарство сделано? — прозвучал слабый нерадостный голос Рембрандт-сана. — Вот оно. Я уже боялся, что кто-то вроде Хазару несёт лекарство, поэтому сам его нёс. — Что происходит?! — нервно спросил Хазару. Но Рембрандт лишь покачал головой. Он не то, чтобы не мог сказать этого, а скорее, не знал, с чего начать. Поэтому я остановил молодого парня, который собирался задать ещё вопросы, и дождался, пока он успокоится. Некоторое время стояла тишина. Слышались лишь звуки того, как лечили руку Рембрандт-сана. И этот звук тоже прекратился. — Извиняюсь. Я смог немного успокоиться за предоставленное время, — сказал Рембрандт. Его выражение лица всё ещё не было таким, как обычно. Его разум, должно быть, ещё не успокоился. Наверное, произошло что-то серьёзное. Серьёзное, ха. Судя по руке Рембрандт-сана, которая обильно кровоточила, ситуация, наверное, была тяжёлой. Тем не менее, мои эмоции оставались уравновешенными. Это потому, что я "привык" к этому миру? Прямо сейчас мне нужно сконцентрироваться на нынешней ситуации. Единственное, что приходит в голову, так это то, что трёх больных людей похитили. Если они не умерли, то это лишь чрезвычайная ситуация, что является благословением. Сам того не заметив, он мне стал нравиться. До такой степени, что слова вроде "Я не спасу их" или "Я буду с вами сотрудничать" не были вариантом. Дворецкий-сан извинился за озадачивающую ситуацию своими глазами. Однако это не их вина. Я показал это, молча кивнув. — Это было, когда дворецкий, Моррис, принес эликсир с собой, — сказал Рембрандт. — Я ждал молча двух других лекарств, молясь, — добавил он. Место было в том коридоре, мимо которого мы прошли, откуда доносился сладкий аромат. Понятно, это место, где были больные. — Из комнаты моей жены донесся какой-то звук, — сказал Рембрандт. — Звук, говорите? — Да, я подумал, что были откинuty одеяла, — ответил Рембрандт. Довольно больные люди. Я был уверен, что они были слабы и просто лежали в постели. У него было выражение замешательства на лице. И он, должно быть, почувствовал что-то в атмосфере, но на его лице появилась невольная улыбка. Это плохо. Он в отчаянии. — Ладно. Были времена, когда они буйствовали с невероятной силой. Разумеется, в последнее время они не могли этого делать, всё дошло до того, что они могли лишь стонать. Поэтому я не придал этому особого внимания, — сказал Рембрандт. — ... Стонать? Больной человек? — Я вам, кажется, не рассказал про симптомы, верно? Сначала по симптомам я думал, что это лишь лихорадка. Но... — сказал Рембрандт. Кажется, он заметил, что их поведение стало странным. Боялись как воды, так и света, иногда они теряли рассудок и громили комнату. Звучит, как случай с бешеной собакой. После чего их красивые волосы начали падать, а глаза начали обретать оттенок огненно-красного огонька. — ... Они уже выглядели не так, как раньше, — сказал он. — Что за дьявол способен сделать такое? — подумал я. Мне казалось, будто моя ярость превращалась в жажду крови. После того, как они приходили в рассудок, они видели картину своих разрушений, и сами плакали и впадали в отчаяние, а затем обращались к мужчине, отцу и мужу, чтобы извиниться. После этого они начали бороться с болезнью, но они постепенно истощались. В последнее время, кажется, они даже желали смерти. Это, наверное, было бы невозможным для меня. Я не смог бы говорить об этом. Без сомнений, я подумал бы убить того, кто просит, и даже его семью. Я уверен, что я сошёл бы с ума. — Этот, этот ад должен был закончиться сегодня!! Тем не менее, тем не менее, моя жена...! — Рембрандт. Рембрандт-

ши сидел на стуле, который был перед комнатой его жены, бережно держа одно из лекарств. Плача. Худшее произошло в тот момент. Он проигнорировал тот звук. Он протянул свою обессиленную руку к деревянной двери. — Дверь была уничтожена за секунду, как вы понимаете, и затем моя жена, моя жена атаковала мою руку, — сказал Рембрандт. Он старался изо всех сил защитить свою надежду, которую, наконец, обрёл. Но жена, которую он должен был спасти, украла лекарство, которое должно было её спасти... и уничтожила его. Всё вокруг было окутано сладким ароматом, и обезумевшая жена стала ещё более жестокой и атаковала. Нанятая стража и дворецкий заметили странность и смогли сдержать жену на коротком расстоянии. Женщина, которая кричала и показывала свои клыки, прекратила судороги и, обессилив, уснула. И тогда пришли мы. Да, я понял. То, что появились судороги. Это возможно? — ... Это были не судороги, — сказал Хазару. Молодой парень подтвердил то, о чём я думал. Тон его голоса был мрачным. — Вероятно, будучи близко к эликсиру, "сделано" так, чтобы произошло такое. Ради того, чтобы предотвратить излечение, — сказал Хазару. Он сказал, что не слышал о каких-либо прецедентах, но из того, что он знает, это невозможно для 8 уровня. Кажется, болезнь проклятья 8 уровня довольно более весомого уровня. В глубине души я думал, что зря был убит создатель проклятья. Я бы на их месте не стал убивать его. Я бы заставил его страдать, чтобы он мучился в более сильных муках, не позволяя ему сойти с ума... — Моя стража тоже была ранена, как видите. Они получают лечение в другом месте, — сказал Рембрандт. Прямо сейчас они не могут пошевелиться. Молодой парень с грустным лицом, стоявший рядом со мной, не был физически сильным, так что он не смог бы удержать её. — Соединив сказанное ими, чтобы просто сдержать её, нужно быть на довольно высоком уровне, и нужно объединиться, чтобы резко напасть, или это будет невозможной задачей. Более того, потому что мою жену не беспокоит её тело, если такое повторится ещё несколько раз, она может и умереть, — сказал Рембрандт. — Тело, которое не сможет двигаться, заставить её тело двигаться против её воли, чтобы несколько взрослых сдерживали её одновременно. Это точно возможно. — Так я думал молча про себя. Кажется, я не из тех, кто может выйти из себя от злости, — так я думал где-то про себя. Ненависть, враждебность, у меня все это есть, но я могу спокойно уничтожить эти чувства. Прежде чем прийти сюда, я заметил, что не чувствовал никакого сопротивления в том, чтобы лишить жизни своих соперников. Но сейчас, мне кажется, это будет так же, когда дело коснется человеческих существ. Тогда, не почувствовав этого, я понял всю правду, я принял её. Объединенная атака высокого уровня. У меня есть на уме некоторые люди. Я уже знал, что это должен быть тот момент, когда я позову Тоа-сан и других. Что мне нужно позвать Тоа и Мио для безопасности. И, несмотря на это, я решил сделать это сам. Может, потому что эмоции, которые должны были быть уничтожены, все ещё остались во мне, и это было результатом всего этого. Заметив, что я мог спокойно думать об этом, я почувствовал небольшую злость на себя. Посмотрев на Рембрандт-ши и дворецкого, Моррис-сана, я сказал это: — Я буду её удерживать. Теперь же, пойдёмте. Я заткнул Рембрандт-ши и других, которые закричали, сказав, что это невозможно, своей жаждой крови. Кровожадность, нет, это был гнев. Я не понимал этого сам. Я схватил Хазару за воротник и подвинул его ближе к себе. Я попросил его сделать ещё один эликсир из оставшихся ингредиентов. Почему-то он не протестовал, а побежал в подвал. Если он не сможет, я дам ему оставшиеся глаза, и тогда он сделает. У меня также есть много других ингредиентов. Когда я спросил его позже, он сказал с кривой улыбкой: — Я думал, вы убьёте меня, если я буду протестовать. — Я дал лекарство Рембрандту. Понятно, что сладкий запах был ароматом эликсира. Окружающая среда в подвале была под контролем, так что я не заметил этого тогда. Будучи тем, что ломает тебя и доводит до грани отчаяния, иметь такой сладкий аромат. Ну и шутки. Ладно, закончим с этим глупым делом.